

Эрик Зелински

Голос. Эрик Курмангалиев

Эрик Зелински

**Голос. Эрик Курмангалиев.
По страницам жизни
«казахского Фаринелли»**

«Издательские решения»

Зелински Э.

Голос. Эрик Курмангалиев. По страницам жизни «казахского Фаринелли» / Э. Зелински — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933562-3

Книга «Голос. Эрик Курмангалиев» рассказывает о короткой, яркой и нелегкой жизни «казахского Фаринелли», первого контратенора (обладателя сверхвысокого мужского голоса) в СССР. «Звезда Эрика взошла в темные, смутные, тяжкие времена — и, как ни парадоксально, именно необходимость противодействия, противостояния тогдашней системе, борьба за простое право быть собой и петь, острое желание бросить хотя бы лучик света в этот забывший Бога мир, и сформировали его как исполнителя».

ISBN 978-5-44-933562-3

© Зелински Э.

© Издательские решения

Содержание

Вместо предисловия. Мемуары о неслучившейся встрече	6
Маленькая звезда	11
Эльф, герой и змей-искуситель	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Голос. Эрик Курмангалиев По страницам жизни «казахского Фаринелли»

Эрик Зелински

© Эрик Зелински, 2018

ISBN 978-5-4493-3562-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия. Мемуары о неслучившейся встрече

Эрик Курмангалиев ворвался в мою жизнь сияющим метеором – этот человек, похожий на дивное сказочное существо, с ангельским голосом, человек, в отношении которого выражение «прекрасен как рассвет» не кажется избитой метафорой, это воистину чудо Божие. Кажется, что я знаю его с незапамятных времен, его голос звучит во мне, как мистический голос Призрака Оперы, Ангела Музыки, неизменно поднимая душу из бездн печали, утешая, давая силы на то, что совсем недавно казалось невозможным. Я никогда не встречал его в земной жизни, не был ни на одном его концерте. Мы не гуляли по таинственным арбатским переулкам, не пили кофе в «Шоколаднице» на Китай-городе, не дискутировали о музыке ночи напролет... и, тем не менее, я чувствую какую-то странную, почти невозможную связь между нами. Связь, существовавшую давно и почти не осознававшуюся до недавних времен...

*Но ходит Ангел мой в саду и сажит розы,
У них огромные шипы, но как горит бутон...
Беспечный мой,
Наивный мой,
О, как крепка та нить, которой нас Господь
Связал с тобой!¹*

Поздний вечер восьмого июля 2017 года. Только что состоялось премьерное исполнение фрагментов культового мюзикла «Призрак Оперы» на украинском языке. Моя давняя мечта – спеть Призрака, желательно в своей стране и на родном языке – наконец-то начала обретать осязаемое воплощение. Сидим после концерта в чате с соавтором по переводу, обсуждаем выступление, что-то планируем. И тут какой-то внутренний голос у меня в голове отчетливо сказал: «Эрик Курмангалиев. Послушай».

Ага, ответил я внутреннему голосу. И... благополучно забыл.

Через несколько дней ситуация повторилась в точности: опять внутренний голос, и опять я забыл обо всем, отвлекшись на насущные дела.

На третий раз (еще через несколько дней) я сдался и полез в дебри всемирной сети искать записи этого самого Эрика Курмангалиева.

На этот момент я уже вспомнил свое первое заочное знакомство с этой личностью. Была весна 2005 года, воскресенье, родители в кухне смотрят телевизор, я сижу за компьютером и, кажется, собираюсь куда-то уходить. И тут отец позвал: «Иди сюда, послушай, мужчина поет арию Чио-Чио-сан!»

Не буду говорить, что я был поражен, потрясен и прочие громкие слова. Я просто не помню своих тогдашних эмоций. Конечно, это было удивительно, это было ярко, во всяком случае, я запомнил имя-фамилию исполнителя и что он родом откуда-то из Казахстана. А потом... потом были долгие двенадцать лет, из них девять в Москве, которую я успел полюбить, разлюбить и сохранить светлые ностальгические воспоминания, было начало войны и решение вернуться в Киев. Словом, прошла целая жизнь, со своими взлетами и падениями, потерями и находками, и за все это время я ни разу не вспомнил о своем казахстанском тезке с дивным голосом. Смутно припоминаю только слухи о его смерти, разговоры какие-то в моем

---

¹ *) Л. Бочарова, «Ангел»

окружении, но все это пролетело по касательной и утонуло в водовороте тогдашних житейских забот.

Соответственно, на момент, когда я вбивал в поисковик одной из соцсетей «Эрик Курмангалиев», я был уверен: сейчас на меня ворохом посыплется записи, в том числе, той самой арии Чио-Чио-сан. Иначе ведь и быть не могло – такой уникальный певец не мог не иметь заслуженной популярности. К моему огромному разочарованию, нашлось от силы два десятка треков: несколько арий целиком, какие-то, по меткому выражению знакомого хормейстера, «отрывки из обрывков», и нарезка из, как я потом узнал, скандального интервью на радио «Монморанси». Сказать, что я был шокирован таким убожеством сохранившегося наследия Эрика – ничего не сказать. Но я ж упрямый, меня просто так не остановить! Мало информации в одном месте – найдется поболее в другом, благо, Интернет огромный.

С первого найденного фото на меня смотрит, пожалуй, самый красивый человек, которого я когда-либо видел. Знаете, многие в детстве мечтают быть похожими на кого-либо из знаменитостей, книжных или киношных персонажей. Я тоже лет в 11—12 вымечтал себе идеальный образ: юношу азиатской внешности, с темными раскосыми глазами и длинными черными волосами. Не знаю, отчего мне такое взбрело в голову: японские и корейские дорамы, откуда можно было бы почерпнуть что-либо похожее, тогда еще не добрались до нашего телевидения. (Позднее, уже живя в Москве, я не раз благодарил Бога за то, что гены моих далеких крымскотатарских предков проявились во мне ровно настолько, чтобы не возбуждать у московских полицейских излишнего интереса к моей персоне).

Так вот, с портрета на меня смотрел тот самый идеальный образ из моих детских мечтаний.

«Так не бывает», – думал я, – «так просто не бывает».

Позже окажется – бывает и не такое...

А тогда я просто слушал найденные на Ютубе записи с Эриком – ужасного качества, с плывущей картинкой и не всегда ровным звуком (явно кто-то добрый переписывал трансляции концертов с телевизора на «видик», причем, судя по количеству помех, этот добрый человек жил не в Москве), но позволяющие получить представление о голосе исполнителя. Голос Эрика действительно отличался от большинства контртеноров, которых мне доводилось слышать ранее. В нем не было присущей многим контртенорам искусственности, натянутости, какой-то неестественности – знаете, когда брутального вида мужик выводит колоратуры слишком высоким голосом, это смотрится несколько дисгармонично (я с удовольствием слушаю Ценчича или Фаджоли, но смотреть на них – увольте). Мягкий, ласкающий, изумительно светлый, «солнечный», насыщенный тембр, отличная кантилена – словом, «чистейшей красоты чистейший образец», не уступающий, а то и превосходящий знаменитых меццо и контральто (позже я узнал, что Эрика ошибочно причисляют к контртенорам, а на самом деле у него редчайший случай альты, который в норме встречается только у женщин и подростков, но не у взрослых мужчин). Не менее удивительной была манера исполнения – одновременно сдержанная и харизматичная, одухотворенная тем самым Духом Божиим. Поначалу мне, за последнее время привыкшему к постоянной «движухе» на сцене, к обилию ярких красок и спецэффектов, к тому, что из любого исполнения нужно непременно делать «шоу», было несколько непривычно созерцать одинокую почти статичную фигурку в черном атласном одеянии на фоне огромного оркестра. Потом уже я по достоинству оценил мастерство Эрика не только как певца, но и как Исполнителя, все богатство его тонких жестов (один только

взгляд, устремленный куда-то за грань, в небеса, чего стоит...). Он был на диво гармоничен, как воплощение той, вечной, небесной Гармонии, на которой зиждется мир.

Но, пожалуй, наибольшее впечатление на меня произвело исполнение ариозо Воина из кантаты Чайковского «Москва».

Понадобилось мне тогда съездить на денек в Беларусь. От Киева до Гомеля – около шести часов пути ночным поездом, из которых поспать мне удалось хорошо если два. Около четырех утра разбудили белорусские пограничники, дальше ложиться не было смысла: до пункта назначения рукой подать. Настроение... сами понимаете, какое настроение может быть у записной «совы» в такую рань. Не радует ни зарождающийся солнечный день, ни перспектива приятной прогулки по городу, где я не был ни разу в жизни, несмотря на наличие родственников там. Чтобы как-то «реанимироваться», включаю плеер, куда предварительно залил записи Эрика, с которыми не успел ознакомиться. Тыкаю пальцем в первую попавшуюся...

То, что произошло потом, не вмещается в убогие человеческие формулировки. Это было не просто прекрасное исполнение, это было Чудо. Мелодия с оттенком светлой печали, широкая и распевная, как народная песня, мягкий и ласковый, лучезарный голос подхватили мою душу и понесли вдаль как по волнам, пока, наконец, запредельно-высокая нота не вонзилась в сердце, распутившись огненным цветком. Это был «контрольный в голову». Ничего не могу с собой поделать, слезы непроизвольно льются из глаз. Как, Господи, **как** он это делает?! Откуда эта поразительная сила воздействия, которой я прежде никогда не слышал? Будто мне вскрыли сердце солнечным лучом, и в зияющую рану хлынуло Небо. Сколь же прекрасным должен быть Рай Господень, если даже отголосок, отблеск этой небесной Красоты настолько превосходит всякое воображение?

И где бы я ни находился в тот день – на зеленой набережной Сожа, на площади перед городским драмтеатром, в уютном гомельском костеле – везде был со мной этот волшебный голос, который хотелось слушать бесконечно. Голос, за счастье слышать который я был готов отдать многое (видимо, таким же экстазом была охвачена оставшаяся неизвестной слушательница, которая, после одного из концертов Эрика в московском Концертном зале имени Чайковского, в порыве благодарности сняла с себя золотую цепочку – самое дорогое, что у нее было – и отдала певцу, желая выразить свое восхищение...)

Потом, много позже, я послушал это ариозо в исполнении знаменитых меццо-сопрано – Елены Образцовой, Ирины Архиповой. Как ни прискорбно для почитателей их таланта (который я не ставлю под сомнение) – ни одна из них не идет ни в какое сравнение с Эриком. Голоса слишком жесткие, «жестяные», исполнение плоское и бесцветное, как журнальная репродукция «Сикстинской Мадонны» по сравнению с величественным оригиналом. Хотя, репродукции тоже нужны – не у всех есть возможность побывать в Ватикане...²

...Зато возможность услышать волшебный голос Эрика сейчас есть у всех, имеющих доступ в интернет. Проблема лишь в одном: его попросту... забыли. В это трудно поверить, но в наш информационный век, когда даже начинающие исполнители (художники, поэты и прочий творческий люд) и откровенные дилетанты от искусства без особых усилий могут

---

² Не считите данный пассаж за исключительный снобизм автора. Я знаю, что о вкусах не спорят. У кого-то может быть иное восприятие. Но лично я после Курмангалиева ни одно меццо советского «производства» слушать не могу. Слишком царапает слух.

ознакомить мир с плодами своего творчества (что и делают, хотя на месте многих я бы постеснялся), а уж о мировых знаменитостях нечего и говорить, когда можно, не выходя из дома, «побывать» на спектакле в Метрополитен-опера, Ла Скала или Опера-Бастий, не стоя в очередях за заветным билетиком и не платя ни копейки, насладиться пением лучших оперных певцов – записей Эрика (как и вообще информации о нем) ничтожно мало, если сравнивать с его талантом. Особенно прискорбно, что даже многие «коллеги по цеху», незнакомые с Курмангалиевым лично, ничего о нем не слышали. А ведь прошло всего лишь ничтожные десять лет с его смерти... Что же будет дальше? Неужели уйдут последние очевидцы, слышавшие Эрика вживую или знавшие его, и память о нем канет в Лету?

Об этом я размышлял в погожий августовский день, прогуливаясь по Печерску. Кругом красота неимоверная – солнце светит по-летнему, народ нарядный гуляет, розовая акация цветет, вопреки всем законам биологии... Только что я перетряхнул несколько книжных магазинов в поисках книги об Эрике: надежд найти хоть что-нибудь было мало, но, как говорится, «а вдруг?». Никакого «вдруг» не случилось: полки в отделе искусства пестрели самыми разными изданиями – как о достойных личностях, так и об очередных «однодневках», а той, единственной искомой книги не было. Видно, некому писать: кто уже отошел в мир иной, кто не считает нужным предать бумаге свои воспоминания, у кого за другими заботами руки не доходят – причин может быть много, а результат один. То есть, отсутствие результата.

Нет, это неправильно, так не должно быть. Нельзя позволить пескам времени окончательно занести это драгоценное Сокровище. Но что делать-то?

«А ты сам напиши!»

Эта неожиданная мысль обрушивается как снег на голову, заставляя на секунду сбиться с шага. Наверное, что-то подобное чувствовал библейский пророк Исайя, когда Бог повелел ему оставить привычную деятельность и идти проповедовать заблудшим сыновьям Израилевым. Слишком внезапно, слишком невероятно, слишком... непосильно? Самонадеянно? Конечно, правило «хочешь сделать хорошо – сделай сам» в моей жизни всегда работало «на все сто». Но писать книгу о человеке, которого я вживую не видел?! А информацию я где буду брать? Из гуляющих по сети обрывков? Все, кто знал Эрика лично, и кого можно было бы расспросить – наверняка в Москве, а я-то в Киеве, между нами – тринадцать часов на поезде и две таможни с нервотрепкой на каждой. Да и, можно подумать, меня там кто-то ждет с распростертыми объятьями – еще решат чего доброго, что я решил «попиариться» на Эрике. И вообще, у меня роман неоконченный ждет, пока руки дойдут, и на первом месте для меня все-таки не писательство, а пение, вон концерт на носу, а в некоторых произведениях еще конь не валялся, я не смогу, я ничего не знаю, я недостойн, да кто будет читать мою экзальтированную писанину, переполненную личными восторгами и понятными только мне параллелями, а уж если я решусь рассказать о совсем мистических явлениях, то мне попросту никто не поверит, потому что так, в их понимании, не бывает...

В общем, «отмазок» себе я нашел много, на любой вкус. Но... вы когда-нибудь пробовали спорить с божественным вдохновением? Даже не пытайтесь, это совершенно бесполезно.

В конце концов, я сам обещал сделать все возможное, чтобы об Эрике узнал мир. Кажется, это было на залитом солнцем берегу Сожа, когда душа была согрета волшебным исполнением ариозо Воина. Или тогда, когда мой педагог по вокалу (достаточно известный гастролирующий украинский бас) спросил: «А кто это такой – Эрик Курмангалиев?» Или... да неважно. Главное – за слова надо отвечать.

И я решился.

Эта книга никоим образом не претендует на звание официальной биографии: пусть такую пишут любители сухих цифр и скупых фактов. Я просто хочу рассказать миру историю о человеке с голосом Ангела, который в нелегкие времена, в грубой и жестокой стране, пел так, как не было дано, пожалуй, никому. Познакомить вас с Эриком – каким я узнал его за время этой странной встречи, не случившейся в земных реалиях, но почему-то, по воле Божией, приключившейся со мной.

*Не было. Но, Господи, могло.
Только мне ли, Господи, посметь?
Мир звенит – так колетса стекло,
За стеклом проглядывает смерть.*

*Пусть берет, пусть держит и несет,
Но тебя – не тронет, сохранит.
Мне ли – сметь любить, забыв про все?
Мне ли – сметь дышать тобой одним?*

*Мне ли – сметь, надеяться и ждать,
Всем словам и правдам вопреки?
Между нами – темная вода
Той, другой, неведомой реки...*

*Время – сбилось, встало, истекло,
Между пальцев – битое стекло.
Не было, но Господи, могло.
Не было.
Но, Господи, могло?³*

---

³ С. Бурдыко, «Не было».

Маленькая звезда

В казахстанской прикаспийской степи, в двухстах километрах от города Гурьева (ныне Атырау) есть небольшой городок Кульсары. Согласно местной легенде, именно здесь, на берегу реки Эмба, обрел вечный покой Кульсары Тинекейулы, один из значимых людей в истории Западного Казахстана XIX века, владевший этими землями. Как гласит предание, незадолго до смерти Кульсары-ага увидел сон: все его бесчисленные стада, все овцы, лошади и верблюды уходили под землю и не возвращались. Кульсары-ага встревожился и хотел было последовать за своим стадом, но послышался голос, говоривший: «Не печалься, ибо все твое к тебе вернется. Из этой земли выйдет огромное богатство для твоего народа». И в самом деле, впоследствии на этих землях было обнаружено «черное золото» – нефть (только вот, как водится в СССР, богатство это стало принадлежать не народу, а зажавшимся партийным бонзам). Сейчас Кульсары – красивый современный город, а более полувека назад, в 1959 году, это был крошечный, с населением чуть более 12 тысяч человек, поселок, представлявший собой несколько аулов, где жили местные, и городок для вахтенных работников, трудившихся на нефтепромыслах.

В этом суровом и не слишком гостеприимном краю, где нет ничего, за что мог бы зацепиться взгляд, кроме бескрайних степей на многие километры, вдали от каких-либо культурных центров, появился на свет тот, кого впоследствии назовут «сенсацией» и «феноменом», чья слава распространится далеко за пределы родного края, достигнув не только каждого уголка тогдашнего Советского Союза, но и Европы, и далекой Америки, кому было суждено, вспыхнув ярким метеором, озарить оперный небосклон – и быстро сгореть, так полностью и не реализовав свой поистине огромный талант и не дождавшись подлинного понимания.

В этом скромном доме прошло детство Эрика (фото 2015 г.)

Эрик Курмангалиев родился 2 января 1959 года в семье, абсолютно далекой от музыки: его отец был поселковым хирургом, а мать – педиатром. Кроме него, в семье Курмангалиевых было еще два сына – старшего, согласно казахской традиции, отдали на воспитание бездетным родственникам. Этот обычай может показаться нам едва ли не варварским – шутка ли, для матери, отдать родного сына, которого она под сердцем носила. На самом деле, ничего странного в нем нет: у казахов очень сильны традиции кровного родства (троюродные братья считаются близкими родственниками), и в обычаях брать на себя заботу о родичах, которым меньше повезло в жизни. Так, если погибал один из братьев, другой брал на себя заботу о жене и детях погибшего; если умирали родители, детей усыновляли родственники; точно также, многодетные родители нередко отдавали одного из детей в семью бездетных родственников, которые заботились о нем как о родном. Поэтому речь не идет о каком-то «вычеркивании» ребенка из семьи: наоборот, он становится связующим звеном между несколькими родами, объединяя их в одну большую семью.

У казахов в крови страсть к пению, особенно импровизационному. Должно быть, это – один из сложившихся за века способов украшать свой суровый кочевнический быт. Как причудливые изысканные узоры золотой вышивки. Как цветные орнаменты посуды и ковров. Неудивительно, что петь Эрик начал очень рано. Пел, подражая Ольге Воронец, Людмиле Зыкиной, пел народные казахские песни, которые слышал от матери, и популярные в те годы эстрадные песни, пытался импровизировать, придумывая свои мелодии. Тогда он, конечно, не задумывался о сцене, о карьере певца: просто пел, как поют птицы, не нуждаясь в театрах, сценах, декорациях и зрителях. Разве жаворонок, взмывая в бескрайние небеса, думает о том, слышит ли кто-то его звенящую песню? В остальном, это был обыкновенный степной мальчишка, который, как и его сверстники, пас овец, объезжал лошадей, мог справиться со строптивым верблюдом (и впоследствии, по собственному признанию, верблюдом управлял лучше, чем автомобилем), дрался с другими мальчишками, отстаивая свои права. А еще – охотно выступал на школьных мероприятиях. Тогда и состоялся его детский театральный дебют – в роли Золушкиной мачехи в драмкружке школы им. Кирова (№17) города Гурьева, где Эрик учился. Жил он в те годы в интернате при школе (это не был интернат в привычном для нас значении «сиротского приюта», а скорее нечто вроде общежития для учащихся из отдаленных районов). Позже, вспоминая годы учебы, Эрик скажет в интервью: «Я шесть лет прожил в интернате и очень счастлив тому, что вырос свободным человеком, получил самостоятельный жизненный опыт, научился не зависеть от родителей и родственников». Хотя, конечно, опыт своеобразный: да, школьная «вольница» – это мечта любого свободолюбивого подростка, желающего вырваться из-под родительского контроля, но, с другой стороны, Эрику явно не хватило материнской нежности, материнского внимания. Не поэтому ли он впоследствии тянулся к женщинам старшего возраста, в поисках материнской ласки, опеки и заботы?

Эрик (второй справа) с отцом, матерью и младшим братом

Кто знает, кем бы стал в будущем этот красивый юноша с бездонными глазами цвета черного агата, если бы в двенадцать лет не случилось его чудесной встречи с новым миром. Волшебным миром оперного пения.

Здесь, на земле, все подобные встречи кажутся случайными – всего лишь обыкновенное стечение обстоятельств, когда кто-то оказывается, или что-то происходит в нужное время в нужном месте. Хотя на деле, здесь имеет место быть высшая, Божественная режиссура, планирующая нашу жизнь и вмешивающаяся в нее, когда наступает подходящее время. В те годы по телевизору часто передавали концерты классической музыки, и однажды Эрик услышал арию Руджеро из оперы Г. Ф. Генделя «Альцина» в исполнении Софьи Преображенской. Это было как удар молнии, как момент Божественного откровения, когда внезапно приходит понимание: вот она, моя истинная любовь и истинное предназначение! И все, чем жил раньше, отходит на второй план, уступая дорогу этому новому всеобъемлющему чувству.

Эрик «загорелся» новым увлечением. Уговорил родителей купить магнитофон (помните, были в советское время такие неуклюжие бобинные чудовища?), записывал выступления Ренаты Тебальди, Марии Каллас, Федоры Барбьери, заучивал арии наизусть и пел, пел сутками напролет, забывая обо всем. Это была всепоглощающая страсть, до безумия, почти до одержимости. Казалось бы, каким образом мальчик из семьи, где никто никогда не интересовался классической музыкой, в возрасте, когда обычно интересуются совсем другими вещами, вдруг мог настолько проникнуться сложным искусством оперы? Когда Эрика впоследствии спрашивали об этом, он отвечал: «Это что-то сродни любви. А что значит полюбить? Любовь всегда неожиданна и спонтанна, она возникает сама по себе, изнутри, ее нельзя взять и вытащить откуда-то». Музыка, опера стала его любовью с первого взгляда – на всю жизнь.

Эта страстная любовь, как, наверное, и любая другая любовь, не могла не подвергнуться испытаниям. Отец Эрика был против увлечения сына: дескать, артист – профессия, недостойная настоящего мужчины, надо серьезным делом заниматься, а не семью позорить. Упрямый Эрик не сдавал позиции, частенько бывал бит – и все равно продолжал мечтать о сцене, о том счастливом дне, когда он сможет уехать учиться. А пока что – получал сценический опыт в самодеятельном драмкружке, был звездой школьных концертов, где пел и танцевал (у него была удивительная природная пластика и талант танцора, пожалуй, не меньше певческого).

Окончив школу, Эрик поехал в столицу республики, Алма-Ату, поступать в консерваторию. Только тут он впервые осознал, насколько отличается от других талантливых юношей. В норме, мальчишеские сопрано и альты в подростковом возрасте мутируют во взрослые мужские голоса (тенора, баритоны или басы). Но у Эрика, по какой-то одному Богу известной причине, мутации голоса не случилось. Он так и остался «вечным отроком». Во времена расцвета барочной музыки, чтобы сохранить высоту голоса, мальчиков подвергали жестокой процедуре кастрации. Эрику же подобный голос был дан от природы.

На вступительном экзамене на подготовительное отделение консерватории Курмангалиев исполнил арию Орлеанской Девы из одноименной оперы Чайковского, вызвав восторг и... недоумение. Его приняли, но что с ним делать, как развивать этот уникальный дар, в конце концов, как квалифицировать его ни на что не похожий голос – не знали. Многих профессионалов, привыкших к жесткому делению голосов по половому признаку, к стандартным тенорам, баритонам, басам у мужчин, сопрано, меццо-сопрано и контральто у женщин, «отпугивала» специфика его голоса. Своим появлением, самым своим наличием Эрик разрушал все сложившиеся стереотипы. В конце концов, его голос квалифицировали как контртенор (как оказалось впоследствии – ошибочно: ведь у любого контртенора есть свой «мужской» регистр – чаще всего баритон, и говорят они обычными мужскими голосами, а их верхний регистр – очень хорошо разработанный фальцет; Эрик же обладал единственными в своем роде мужским альтом). Но как с ним работать, не знали: школы подготовки контртеноров в СССР не существовало (как не существовало и многих других, гораздо более насущных вещей и понятий). Его пытались переламывать, переучивать, к нему отвратительно относились и сокурсники, и многие педагоги, иные откровенно насмехались над его своеобразным тембром голоса. Все это не помешало Эрику за год успешно пройти четырехлетний курс музыкального училища и получить среднее специальное образование (без которого в те годы в высшие учебные заведения не брали). Но учебу в Алма-Атинской консерватории он продолжать не стал. Было ясно, что здесь ему не дадут развить талант в полной мере, а то и загубят уникальный голос, пытаясь вогнать его в тесные привычные рамки.

Потом, через добрый десяток лет, он с триумфом вернется в стены своей первой Alma Mater, чтобы дать сольный концерт – и преподаватели будут смущенно прятать глаза, стыдясь собственной некомпетентности и сетуя, что не им было дано огранить этот драгоценный бриллиант. А пока Эрик решил последовать мудрому совету своего преподавателя по вокалу Александра Поликаркина: «Поезжай, золотой мой, в Москву, там разберутся, что с тобой делать».

И Эрик поехал за тридевять земель, в столицу. Без гроша в кармане и вопреки воле родственников, которым его решение уехать из Казахстана было не по душе. Поскольку денег на билет до Москвы у него не было, добираться пришлось на перекладных, в тамбурах поездов, куда пускали добросердечные проводники, надеясь, что не придет проверка и не обнаружит безбилетного пассажира. Об этом рискованном путешествии Курмангалиев будет вспоминать как об «одном из самых романтических эпизодов» в жизни. И ведь ехал, по сути, в никуда – в чужой, снобистский и не слишком приветливый к приезжим, город, где у него не было ни друзей, ни родственников, не заручившись ничьей поддержкой, не оставив путей к отступлению, окрыленный одной лишь надеждой – поступить в Московскую консерваторию, которая по праву считалась лучшей в СССР. О чем-либо большем в те годы было немыслимо и мечтать. Милан, Падуя, Рим с их знаменитыми консерваториями и высочайшим уровнем вокальной педагогики для гражданина Советского Союза были всего лишь точками на карте – столь же недостижимыми, как небесные созвездия.

Это Эриково путешествие через пол-страны снилось мне еще до того, как я вообще заинтересовался им и стал изучать какие-то факты из его жизни. Я даже не считал, сколько раз за последний год видел один и тот же сон: будто еду я в поезде, почему-то не в вагоне, а в тамбуре, еду бесконечно долго, с четким ощущением, что откуда-то из Казахстана (я там не был никогда, как и в восточной части России), за окном мелькают степи, потом леса, вроде как в районе Урала едем, и знаю, что на такой-то станции мне надо пересесть, а потом опять, и, в конце концов, я буду в Москве. «Зачем мне все это снится? – думал я после пробуждения, – Почему именно эти края, в которых я никогда не был, да и, признаться, не жаждалу побывать? Почему я еду в тамбуре, а не как нормальный пассажир, в вагоне? Почему придется ехать так долго, если современные поезда покрывают это расстояние гораздо быстрее? И на кой мне, в конце концов, сдалась эта Москва?» Потом, узнав историю Эрика, я понял, что по какой-то причине видел во сне его путешествие за мечтой. Не знаю, почему так вышло. В моей жизни хватает мистики, но эпизод из не-своей жизни я видел впервые.

На вступительных экзаменах в Московскую консерваторию им. П. И. Чайковского Эрик произвел фурор: его голосом восхищались, ему удивлялись, как небывалому явлению природы. Маститым профессорам еще не доводилось в жизни слышать ничего подобного. И тем неожиданное и сокрушительнее было окончательное решение приемной комиссии: отказать. Отказать, вопреки всякой логике, вопреки собственному восхищению. В этом смысле, Москва не отличалась от Алма-Аты: на тот момент, это все еще был «единый и могучий», в котором любая неординарность, любое выходящее за рамки явление сталкивалось с неизменным осуждением и остракизмом. Людям вообще свойственно бояться всего нового, необычного, не вписывающегося в привычные понятия. Тем более, в стране, где вся жизнь от колыбели до могилы расписана по пунктам и регламентирована строгими правилами, сомневаться в правильности которых не позволялось. И тут вдруг – как снег на голову, падает это странное существо, вроде мужчина, но поет женским голосом... Нет, это просто невозможно!

Но счастье все-таки улыбнулось Эрику. Талантливую юношу заметила Нина Львовна Дорлиак, профессор Московской консерватории, в прошлом – знаменитая певица, а ныне –

одна из лучших вокальных педагогов. Она не могла, подобно доброй фее, одним мановением волшебной палочки изменить решение комиссии; но смогла дать Эрику приют и добрый совет попытать счастья в музыкально-педагогическом институте имени Гнесиных, в народе именуемом Гнесинкой.

Музыкально-педагогический институт имени Гнесиных – легендарная «Гнесинка» (фото современное)

«Я поступил в Гнесинку, и на всех экзаменах по вокалу обсуждение моей персоны длилось по три-четыре часа, – вспоминал Эрик, – И всегда – всегда! – я находился на грани вылета».

И таки вылетел – проучившись только один курс.

Был тогда предмет под названием «научный коммунизм». Он представлял собой заучивание наизусть цитат из, да простит меня Господь Всемогуший, «классиков марксизма-ленинизма». Кто постарше, те помнят нагромождения бессмысленных фраз, никак не желающие лезть в голову по причине своей крайней бредовости. Кому и зачем был нужен этот предмет – науке неизвестно. Выучить его было нереально, сдать – в зависимости от лояльности преподавателя. И вот на экзамене по этому самому научному коммунизму Эрик и провалился с треском. Будь к нему другое отношение в целом, не стань он камнем преткновения для некоторых преподавателей, с момента его появления мечтавших о том, как бы избавиться от неординарного студента, не вписывающегося в советские стандарты – с вероятностью, удалось бы добиться пересдачи или как-то «натянуть» оценку. Но не в этом случае. Эрика отчислили, и он «загремел» в армию.

К счастью, мерить шагами пыльный плац, красить траву «от забора и до обеда», строить генеральскую дачу, а то и заниматься чем похуже (начиная от участия в «горячих точках» и заканчивая такими позорнейшими явлениями советской армии, о которых и писать-то неловко) Эрику не пришлось. Бог миловал. Его устроили в полковой оркестр мотострелковых войск играть на большом барабане. По сути, это была та же концертная деятельность – только в военной форме и с коротко стриженными волосами. А что репертуар не тот, который хотелось бы исполнять – так это не самое страшное, что могло случиться с молодым человеком

в рядах советской армии. Позднее сам Эрик говорил, что военная служба – не самое тяжелое испытание из тех, с которыми ему пришлось столкнуться.

Вернувшись из армии, Курмангалиев восстанавливается в Гнесинке, занимается в классе Нины Николаевны Шильниковой. Нина Николаевна была одной из немногих в Советском Союзе, кому посчастливилось пройти стажировку в знаменитой римской музыкальной Академии Санта-Чечилия и обучиться итальянской вокальной школе. От так называемой «русской школы», популярной на просторах бывшего СССР, итальянская отличается большей естественностью звучания и гораздо более щадящим отношением к голосовому аппарату (если будет возможность, присмотритесь как-нибудь к тому, как поют русские, да и наши тоже, оперные певцы, не обучавшиеся за границей: глаза выпучены, лицо красное от натуги, а звук... «сырой», несобранный, «расхристанный». И это при том, что по врожденным данным русские и украинские исполнители превосходят итальянцев!). Так что, голос Эрика попал не в худшие руки из возможных. Заодно «казахский Маугли», как называли его друзья, проходит школу жизни, подчас весьма суровую. Ведь враждебность к нему со стороны некоторых соучеников и преподавателей никуда не делась. Его называют «это существо», его прессуют, его обвиняют в «антиобщественности» и «распространении тлетворного влияния Запада» (особенно свирепствует в этом отношении зав. кафедрой сольного пения, бывшая любимица Сталина Наталья Шпиллер). На эту неприязнь, на нелепые и абсурдные обвинения, на восторги, перемешанные с завистью, и зависть, ничем не разбавленную, Эрик отвечает единственным доступным ему оружием: эпатажем. В его мужественности сомневаются – он намеренно говорит о себе в женском роде; его оскорбляют – он тоже за словом в карман не лезет (и подчас это слово было из тех, которые в приличном обществе не произносят); в компаниях он громко разговаривает и еще громче смеется; порой откалывает такие «номера», что в шоке и друзья, и недруги. Маска шута, скомороха, юродивого становится его щитом от чужого непонимания и неприятия. Лучше пусть считают его странным существом «не от мира сего», чем плюют в душу, вздумай он открыться всем и каждому до конца. При этом он был и останется до конца дней абсолютно неагрессивным, добрым, скромным и готовым прийти на помощь и ближним, и подчас «дальним». Чем «дальние» и пользовались, притворяясь «ближними» (особенно когда Эрик начал концерттировать и обрел популярность, а значит – и деньги). К счастью, были среди тогдашних знакомцев Эрика и настоящие друзья: пианистка Ирина Кириллова, ставшая его бессменным концертмейстером; главный режиссер московского театра «Геликон-Опера» Дмитрий Бертман; звукорежиссер Асаф Фараджев и другие. Хочется сказать – «многие», но увы. Все-таки, истинная дружба во все века – на вес золота, и людей, способных заметить не только «уникальный феномен», но и Личность – единицы. В отличие от желающих погреться в лучах чужой славы, вращающихся рядом со знаменитостью, в надежде заполучить какие-либо блага, для которых Эрик был всего лишь дивным экзотическим созданием, эдакой сладкоголосой птицей, не желающей жить в клетке.

Эрик с концертмейстером Ириной Кирилловой

С Дмитрием Бертманом судьба свела Эрика в 1985 году на выпускном экзамене. Будущий режиссер тогда был студентом ГИТИС и учился на втором курсе. Однажды в аудиторию вбежала толпа радостно возбужденных старшекурсников: «Бросайте все занятия, бежим скорей, сегодня в Гнесинке Эрик Курмангалиев поет на экзамене». Все ринулись в Гнесинский институт. Бертман еще не знал, кто такой Эрик Курмангалиев и чем он знаменит, но, повинуясь общему настроению, пошел со всеми. По пути ему рассказали, что у Эрика голос феноменального «женского» диапазона. Бертман не поверил: в те годы в стране ничего подобного не существовало, и поверить в то, что мужчина способен исполнять партии, написанные для женщин, было также нелегко, как и в то, что спустя всего несколько лет СССР с его директивами коммунистической партии и торжеством серости прекратит существование.

Зал Гнесинского института был набит битком: кому не досталось места, толпились в проходе, так что пресловутому яблоку негде было упасть. Вначале пели какие-то незапоминающиеся студенты... Наконец, на сцене появился миниатюрный длинноволосый юноша с раскосыми глазами и объявил свою программу: «Римский-Корсаков, ария Любаши из оперы «Царская невеста»». По залу разнеслись смешки, перешедшие в откровенный хохот после того, как прозвучали первые слова арии: «Вот до чего я дожила, Григорий...». А дальше... дальше стало не до смеха. Всех захватило волшебство удивительного, неслыханного прежде голоса, оттенков которого неспособна передать ни одна запись. Голоса, очаровывающего и переносящего в иной, прекрасный мир, где нет ни печалей, ни забот, ни земных тягот.

Когда Эрик закончил петь – все, сидящие в зале, кроме членов комиссии, поднялись и вышли.

В консерваторию Курмангалиев все-таки поступил – в аспирантуру, в класс Нины Дорлиак. Нина Львовна, поразительно чуткий педагог, не только завершила обучение Эрика певческому искусству, но и помогла ему сформироваться как исполнителю. Ведь чтобы стать настоящим певцом, мало обладать поставленным голосом, мало справляться с технической стороной произведений – надо еще и обладать вокальной культурой, владеть искусством интерпретации, уметь подбирать репертуар, должным образом держаться на сцене, отличать уместное от чрезмерного. Все эти нюансы высокого исполнительского искусства талантливый юноша постигал в атмосфере общения с подлинными мастерами музыки – самой Ниной Дорлиак и ее супругом, гениальным пианистом Святославом Рихтером. Близкую дружбу с этим замечательным творческим семейством, преклонение перед исключительным талантом Рихтера и Дорлиак, Эрик сохранит на многие годы. Авторитет Нины Львовны был для него непререкаем (много позже, бывало, коллеги давали ему советы во время работы над произведением: «Здесь надо бы спеть по-другому»). Курмангалиев обычно отмахивался, настаивая на своем, но неизменно добавлял: «Вот если бы это сказала Нина Дорлиак, я бы послушался»). По приглашению Рихтера, он будет участвовать в цикле концертов «Декабрьские вечера», а для Нины Львовны навсегда останется лучшим учеником, самым желанным гостем и душевным другом, с которым можно бесконечно общаться, находя все новые темы для разговоров, несмотря на колоссальную – почти шестьдесят лет – разницу в возрасте.

«Нина Львовна, поразительно чуткий педагог, не только завершила обучение Эрика певческому искусству, но и помогла ему сформироваться как исполнителю... Близкую дружбу с этим замечательным творческим семейством, преклонение перед исключительным талантом Рихтера и Дорлиак, Эрик сохранит на многие годы.»

В одном интервью Курмангалиева спросили, считает ли он себя звездой. Он ответил: «В каком-то смысле, да. Каждый человек – это маленькая звезда».

Эльф, герой и змей-искуситель

Выступать Эрик начал еще в годы обучения. Студенты музыкальных вузов часто стараются найти подработку по специальности: это и возможность «засветиться», и какие-никакие деньги. Кому повезет, попадают в неплохие коллективы. Другие идут играть в ресторанах, вопреки недовольству преподавателей, предостерегающих от участи «ресторанных лабухов». Курмангалиеву повезло: задумав выступить дуэтом с подругой Еленой Шаровой, он попытался разузнать, где нужны вокалисты, и был приглашен участвовать в исполнении кантаты *Stabat Mater* Перголези.

Шел 1980 год. Страна бурно отмечала Олимпиаду, автор этих строк только появился на свет, а Эрик дебютировал на сцене Большого зала Ленинградской Филармонии в сопровождении оркестра под управлением Антона Шароева.

Его пение произвело эффект разорвавшейся бомбы: последовали приглашения выступать с оркестрами таких знаменитых дирижеров как Геннадий Рождественский, Анатолий Гринденко, Леонид Николаев. Курмангалиев принимает приглашения – и начинает свой триумфальный путь по всему Союзу, невзирая на постоянные обвинения в пропаганде «буржуазной культуры», в том, что его вокальная манера несовместима с «советскими идеалами», и на висящую дамокловым мечом угрозу отчисления из института.

Эрик в юные годы

В январе 1981 года произошла еще одна судьбоносная встреча – с Альфредом Шнитке.

Пожалуй, Шнитке можно назвать одним из наиболее ярких и нетипичных композиторов советской эпохи. В его драматичной, диссонантной, сложной для исполнения и понимания, подчеркнута экспрессивной музыке нашли отражение не только трагические перипетии его собственной жизни и существования его страны (немец Поволжья по происхождению, он чудом избежал «мясорубки», в которую угодил его народ, волей кровавого тирана Сталина лишенный родины и всех человеческих прав), но и высочайшие стремления Духа к истинному

Свету – вопреки окружающему разгулу нечестия. Утонченный, высокообразованный, очень мягкий и благородный по натуре, Шнитке подвергался ужасным гонениям со стороны Союза композиторов, но невзирая ни на какие преследования, продолжал творить, не сообразуясь с требованиями и прихотями «сего злокозненного века». Его Симфония №2 «St. Florian» для солистов, хора и оркестра, написанная по заказу Би-Би-Си – по сути, католическая Месса, «замаскированная» под симфонию. Основные части Мессы – Kyrie, Gloria, Credo, Sanctus и Agnus Dei, представляющие собой обработку аутентичных григорианских хоралов – чередуются с обширными оркестровыми вставками. По замыслу композитора, наиболее яркие сольные эпизоды должны были быть поручены контртенору с его характерным «неземным» тембром. Женское контральто не подходило: слишком тяжелое и «мясистое». А детский альт не обладает нужной мощностью, да и под силу ли певцу-подростку справиться со сложнейшим музыкальным рисунком? Шнитке был уверен: нужного ему голоса в СССР просто нет. Но все равно писал так, как слышал, как чувствовал, как диктовал ему глас Божий, в надежде, что невыполнимых миссий Бог не дает: стремись выполнить Его волю, а остальное приложится. Так и случилось: неожиданно-негаданно Господь послал ему Эрика, который пришел прослушиваться в хор Полянского, приглашенный для исполнения Второй симфонии. Услышав его, композитор был потрясен: это был тот самый голос, который он «услышал» в своем сочинении, но в существование которого не верил. Голос средневекового готического Ангела.

Альфред Гарриевич Шнитке – один из наиболее ярких и нетипичных композиторов советской эпохи

Сотрудничество Курмангалиева со Шнитке продолжилось в Четвертой симфонии и достигло апогея в кантате «История доктора Фауста».

Первоначально композитор задумал написать оперу по второй части знаменитого «Фауста» Гёте, который не раз ложился в основу оперных спектаклей, но затем решил обратиться к «Народной книге» Иоганна Шписа – первой литературной обработке легенды о докторе Фаусте, продавшем душу дьяволу ради запретных знаний. Текст «Народной книги» в переводе брата композитора, Виктора Шнитке, идеально лег на музыку, не пришлось даже вносить правки. Сам автор дал своему произведению очень точное определение: «Анти-Страсти», история человеческого грехопадения (в противоположность «Страстям», повествовавшим об искуплении падшего человечества Христом). Весьма рискованная тема для СССР, где служение дьяволу было фактически государственной идеологией и пропитывало всю жизнь!

Партии Рассказчика, самого Фауста (как антагониста Христа) и хора как участника действия и комментатора событий выдержаны в традиционном духе «Страстей». С Мефистофелем все гораздо интереснее: Шнитке категорически отказался как от привычного образа «опереточного дьявола», так и от «романтизированного, страдающего демона», популярного в более поздние времена. По замыслу композитора, Мефистофель должен был предстать в двух ипостасях: сладкоголосый Искуситель и жестокий Каратель. Это был весьма новаторский ход, неизвестный мировой театральной и музыкальной истории, хотя и отражающий саму суть Зла, где за сладким голосом соблазна неизменно скрывается страшная разрушительная сила, несущая горе тому, кто пойдет за искушением.

Роль Искусителя была написана для Эрика. Казалось бы, кому, как не ему, с его завораживающим голосом, играть векового обольстителя... Да не все так просто! Оно, конечно, «Сатана любит рядиться в одежды светлого Ангела», но, как гласит испанская пословица, рано или поздно из-под светлых одежд высунется омерзительный хвост. И чтобы передать эту демоническую сущность, пусть и замаскированную, в самом сладком голосе должна быть эдакая «порочинка», некое «темное» зерно. В Эрике никакой «порочинки» не было, достаточных актерских навыков, чтобы сыграть то, чего нет – тоже. Не думаю, что это так уж плохо: не уметь демонстрировать, даже в актерской игре, коварство, грязь и зло. Конечно, это в какой-то степени сужает амплуа, но, с другой стороны, не лучше ли ограничиться меньшим количеством ролей, чем пропускать через свою душу нечто чуждое, темное, выламывающее? «Ибо какая польза человеку, если он целый мир приобретет, а душу свою потеряет?»

В роли Мефистофеля Карающего, написанной для эстрадного контральто, должна была выступить восходящая звезда советской эстрады Алла Пугачева. По замыслу композитора, в сцене расправы над Фаустом она должна была эффектно прошествовать через весь зал с микрофоном в руках и подняться на сцену, одновременно напевая шлягерную мелодию в ритме танго (Шнитке отказался от изображения Зла через диссонантную музыку в духе эстетики XX века, решив для достижения эффекта адской пропасти воспользоваться приемом «стилистического унижения»). Однако после первой же репетиции солистку пришлось заменить: вездесущие чиновники из Министерства культуры не могли допустить, чтобы на сцену Большого зала московской Консерватории вышла скандально известная эстрадная певица. Это сейчас любой исполнитель может арендовать хоть Большой театр, хоть Мариинский, хоть любую другую сцену России – были бы деньги. Тогда же выпустить на академическую сцену эстрадную певицу было немыслимо. На самом деле, жаль: Пугачева с ее яркой, бешеной харизмой стала бы украшением постановки. Солистка Большого театра Раиса Котова, которой ее заменили по требованию Министерства, смотрится в роли Мефистофеля-Карателя далеко не столь ярко. С вокальной партией немолодая певица, в общем-то, справилась, хотя местами голос звучал несколько неповоротливо. А вот сценическая составляющая, очень эффектная в замысле, получилась

ощутимо слабее – отчасти из-за неподходящей фактуры исполнительницы, частично из-за отсутствия режиссерской руки. Кульминационный совместный танец Котовой с Эриком (очень смелый ход для классической хоровой кантаты!) выглядит несколько комично, напоминая не слияние двух ипостасей единого Зла, а, простите за сравнение, сцену соращения малолетнего: Эрик явно боится огромной грозной женщины, с трудом понимает, что с ней делать и куда деваться, не слишком хорошо взаимодействует с ней в паре, хотя в отдельные моменты сольного танца мы можем оценить его великолепную природную пластичность. Мне кажется, участвуя в постановке Пугачева, им удалось бы «сыграть» органичнее, да и ее несомненный талант режиссера мог послужить на пользу. Во всяком случае, это мое мнение. Читатель может составить свое – благо, запись кантаты «История доктора Фауста» в сети имеется.

Куда больше, на мой взгляд, Эрику подошла роль Ариэля в авангардной постановке Анатолия Эфроса по мотивам шекспировской «Бури» на музыку Г. Перселла. Более удачного голоса для чистого и свободного воздушного духа, эльфа Ариэля, подобрать было нереально. Звучание – плоть бестелесности, и в исполнении Курмангалиева Ариэль звучит весь, целиком и полностью, и кажется, будто звучит само окружающее его пространство. К огромному сожалению, запись спектакля была уничтожена по приказу телевизионного начальства, усмотревшего в ней нечто крамольное. Сохранился лишь крошечный фрагмент: Эрик с отрешенным и чуть грустным выражением лица, в черной бархатной рубашке и богемном ярко-алом шарфике, будто возвышающийся над оркестром и актерами. Позднее, в 1988 году, уже после смерти Эфроса, его аспирантка Л. Бабкина восстановит спектакль, будет произведена телезапись, поныне существующая – но без Эрика. Вместо него Перселловские арии поет Нелли Ли (корейка по национальности, но родом тоже из Казахстана). Хорошо поет, тембр у нее мягкий, приятный, ласковый... да только слишком земной, здешний, «осязаемый». Никак не получается, слушая ее, оторваться от мирской суеты и воспарить в заоблачные эмпиреи – как за неземным, завораживающим, бесплотным голосом Курмангалиева. Вместо эльфа нам подсунули красивую женщину. Неравноценная замена... что ж, по крайней мере, можно любоваться потрясающей Анастасией Вертинской в роли Просперо, это тоже многого стоит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.